
Преп. Нилъ Сорскій и „Заволжскіе старцы“— публицисты.

(Продолженіе) ¹⁾.

Въ отношеніи къ окружающимъ у христіанъ, утвердившихся на пути погибели, самую характерною чертою является стремленіе къ учительству, приче́мъ скрытымъ мотивомъ этого стремленія служить жажда „сквернаго прибытка“ и „суетной славы міра“, т. е. тѣ же похоть и гордость. Онѣ кладутъ свое клеймо и на самый предметъ проповѣди еретиковъ: одержимые „страстями и похотями“ они не въ состояніи „духовная мудрствовать“ ²⁾ и потому создаютъ „ученія нѣкая“, оправдывающія ихъ плотской образъ жизни. Какъ же они относятся къ Слову Божію, которое для христіанина, по воззрѣнію старца Артемія, должно являться учителемъ *κατ' ἐξουχίαν*? Они „корчемствуютъ слово Божіе“, обращая его въ средство достиженія своекорыстныхъ цѣлей, внутреннихъ похотью и гордостью ³⁾; въ данномъ случаѣ Артемій съ особенной настойчивостью подчеркиваетъ у еретиковъ, желающихъ быть „законоучителями“ ⁴⁾, страсть „къ словопревіямъ“, тѣшачимъ тщеславіе ⁵⁾. Съ ложною проповѣдью у нихъ соединяется и лицемѣренная жизнь, показывающая только „образъ благочестія“, но не имѣющая „его силы“ ⁶⁾: „ради имѣній свѣта сего“ они, скрывая подъ „ов-

¹⁾ См. *Бог. Вѣстн.* Ноябрь, 1908, 327—343 стр.

²⁾ *Ibid.*, столб. 1339, 1266 *fin.*—1268, 1277, 1337, 1391.

³⁾ *Ibid.*, столб. 1339.

⁴⁾ *Ibid.*, столб. 1340.

⁵⁾ *Ibid.*, столб. 1435 *fin.*—1436, 1436.

⁶⁾ *Ibid.*, столб. 1340.

чиною“ „губительнаго волка“ ¹⁾, оболыщаютъ сердца „незловивыхъ“ и „ненаказанныхъ“ видимымъ смиренномудріемъ, подъ которымъ таится своеволие,—показнымъ покаяніемъ и благоговѣніемъ, не идущимъ дальше словъ ²⁾. Ласкающая ухо ³⁾ проповѣдь искусныхъ лицемѣровъ, не чуждающихся челоукоугодничества ⁴⁾, такимъ образомъ, особенно опасна для христіанъ „грубыхъ“, т. е. малопросвѣщенныхъ въ истинахъ вѣры и потому легко поддающихся „соблазнамъ“ ⁵⁾, ибо лишь „отъ ученія разумъ прилагается“ ⁶⁾. Религіозное „невѣжество“ приводитъ, — правда, къ безсознательной,— ереси не только чрезъ увлеченіе проповѣдью ересеучителей: иногда христіанинъ, стремящійся къ познанію истинъ вѣры, но не освободившійся еще отъ своего невѣдѣнія, можетъ, въ силу именно послѣдняго обстоятельства, заблуждаться при самостоятельномъ изученіи вопросовъ догматическихъ и вообще церковныхъ, высказывая, при этомъ, мало продуманное или провѣренное слово или сомнѣваясь въ томъ, что для свѣдущаго никогда не послужитъ предметомъ сомнѣнія ⁷⁾.

Не трудно замѣтить, что старецъ Артемій дѣлитъ еретиковъ на двѣ категоріи въ зависимости отъ причинъ, вызвавшихъ уклоненіе ихъ отъ правой вѣры, и въ зависимости отъ характера обнаруженія еретическаго вольномыслія. Дѣятельную силу „еретическихъ сомнищъ“ ⁸⁾ представляютъ собою „ересеучители“; ихъ отличительный признакъ злая, развращенная, не желающая признавать заповѣдей Божіихъ, плотская воля ⁹⁾, направленная, главнымъ образомъ, на достиженіе двухъ цѣлей—на удовлетвореніе требованія похоти и требованій гордости; средствомъ для этого и служить учительство, осуществляемое путемъ лицемѣрно-добродѣтельной жизни и путемъ проповѣди слова Божія, хотя сами ересе-

1) Ibid., столб. 1337.

2) Ibid., столб. 1379—1380. 1290.

3) Ibid., столб. 1340.

4) Ibid., столб. 1240.

5) Ibid., столб. 1212 fin.—1213.

6) Ibid., столб. 1437.

7) Ibid., столб. 1437.

8) Ibid., столб. 1337.

9) Ibid., столб. 1267.

учители и невѣжды въ Писаніи, такъ какъ познаніе его невозможно безъ основаннаго на немъ „дѣятельнаго“¹⁾ благочестія. Впрочемъ, Артемій указываетъ на существованіе въ христіанской церкви ересеучителей и другого вида: они тоже рабы страстей и похоти, но,—и въ этомъ ихъ первое существенное отличіе отъ ересеучителей въ собственномъ смыслѣ,—проповѣдь ихъ истинна по своему содержанію и ложна лишь въ томъ отношеніи, что сами проповѣдники ограничиваютъ обязанность руководиться ею только своими слушателями, примѣромъ собственной жизни разрушая то, чему учатъ. Это раздвоеніе между истиннымъ словомъ и ложною жизнью, соединенное съ теоретическимъ знаніемъ „разума“ „божественныхъ писаній“, почерпнутымъ изъ твореній святыхъ отцовъ, часто сопровождается сначала сознаніемъ своей виновности, а потомъ и покаяніемъ²⁾. Тогда какъ нравственное паденіе подлинныхъ ересеучителей иногда бываетъ настолько велико, что въ нихъ съ большимъ трудомъ пробуждается сознаніе заблужденій³⁾, причемъ несмотря даже на самосужденіе со стороны совѣсти, они уже не могутъ подняться, не могутъ измѣнить своей жизни⁴⁾. Противоположнымъ, страдательнымъ элементомъ, среди еретическихъ являютя, такъ сказать, еретики по недоразумѣнію: воля ихъ не зла; наоборотъ, при сознаніи своего невѣжества въ вопросахъ религіозныхъ, они одушевлены благочестивымъ желаніемъ познать истинную волю Божию; но, при своей малой освѣдомленности въ сферѣ религіозной, они легко обольщаются ученіемъ еретиковъ, принимая послѣднее за истину или же сами приходятъ къ безсознательной ереси, идя, по тѣмъ или инымъ причинамъ, путемъ совершенно самостоятельнаго приобрѣтенія знаній о предметахъ церковныхъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Только что отмѣченное различіе между еретиками старецъ Артемій строго выдерживаетъ, когда на ряду съ естественными причинами возникновенія въ церкви ересей указываетъ и на причину сверхъестественную, т. е. на дѣйствія злаго духа. „Многокозненная“ дѣятельность обольстителя-

¹⁾ Ibid., столб. 1332 fin.

²⁾ Ibid., столб. 1339, 16 (абзаць)—и.

³⁾ Ibid., столб. 1339, 40—1340, 1—11.

⁴⁾ Ibid., столб. 1435—1436.

дьявола, ищущаго погибели людей, непрерывно на протяжении всей исторіи человѣческаго рода: начавшись „искони“, съ прельщенія Адама и Евы, она наполняетъ собою Ветхій и Новый Завѣтъ ¹⁾, приче́мъ способъ, какимъ лукавый духъ уловляетъ въ свои сѣти всегда одинъ и тотъ же, именно,— „пріуподобленіе“ лжи истинѣ: „по пророцѣхъ пріидоша лжепророцы и по апостолѣхъ лжеапостоли и по Христѣ антихристы“ ²⁾, и вмѣсто истинныхъ учителей „лжеучители“ ³⁾. Такъ, прельщая невнимательныхъ людей, дьяволъ посѣваетъ „свой плевель“ среди пшеницы, скрывая „трутизну“ подъ видомъ „добрыхъ травъ“ ⁴⁾. Дѣятельность ересеучителей, очевидно, по мысли Артемія, стоитъ въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью злаго духа. Самое противленіе христіанской истинѣ, отмѣчающее ересеучителей, внушено имъ дьяволомъ ⁵⁾, который своими внушеніями отуманиваетъ ихъ умъ, скрывая спасительное евангельское слово ⁶⁾. „Чада“ дьявола „по духу“ ⁷⁾, ересеучители „слуги“ лукаваго по своей дѣятельности: принимая, подобно ему, видъ служителей истины ⁸⁾ и покорные его внушеніямъ, ересеучители разсѣваютъ плевелы, заглушающіе сѣмена правой вѣры въ сердцахъ христіанъ „грубыхъ“ или „неразумныхъ“ ⁹⁾. На постыдныхъ, такимъ образомъ, влияніе злого духа происходитъ не непосредственно, а чрезъ ересеучителей. Однако, какъ бы ни была высока степень непосредственнаго воздѣйствія дьявола на душу ересеучителей, не въ ней все-таки старецъ Артемій видитъ главную причину уклоненія послѣднихъ отъ правой вѣры; въ этомъ отношеніи предъ сверхъестественнымъ факторомъ онъ отдаетъ своего рода преимущество фактору естественному,—злему направленію воли невѣстнаго христіанина, не желающаго признавать иныхъ законовъ кромѣ законовъ своей похоти и замѣняющаго настав-

¹⁾ Ibid., столб. 1380—1381.

²⁾ Ibid., столб. 1315—1316.

³⁾ Ibid., столб. 1406.

⁴⁾ Ibid., столб. 1316.

⁵⁾ Ibid., столб. 1275.

⁶⁾ Ibid., столб. 1278.

⁷⁾ Ibid., столб. 1406.

⁸⁾ Ibid., столб. 1340.

⁹⁾ Ibid., столб. 1212 - 1213.

ленія людей, обладающихъ истиннымъ религіознымъ вѣдѣніемъ, измышленіями собственнаго „зломудрія“ и „неразумія“: „ничтоже убо удобнѣйше отъ еже себе комуждо прельщати, аще даетъ мѣсто количества оправданію воля самослышанія своего, и не потребуеть отъ премудрѣйшихъ наказанія. Никтоже бо отъ человѣкъ, ни самый діаволь толико возможетъ повредить кого, якоже зломудріе свое кождо... отъ своея похоти кождо влекомъ прельщается“¹⁾.

XII

Разсужденія старца Артемія о причинахъ уклоненія христіанъ въ ересь сводятся къ тому обобщающему выводу, что ересь, какъ совокупность извѣстныхъ душевныхъ переживаній, не есть неискоренимое свойство природы заблуждающагося члена церкви, за исключеніемъ, впрочемъ, случаевъ, когда для нѣкоторыхъ еретиковъ, благодаря глубинѣ ихъ нравственнаго паденія, утрачивается самая возможность исправленія; но состоянія послѣдняго рода по самой сущности своей не могутъ подлежать,—о чемъ рѣчь ниже,—суду человѣческому. Ересь, по опредѣленію старца Артемія, „не естества страсть, но произволенія“²⁾, т. е. она одно изъ проявленій погрѣшающей воли христіанина. Изъ этого опредѣленія Артемій дѣлаетъ совершенно правильное и естественное заключеніе, что при иномъ, противоположномъ направленіи воли еретика, вполне достижимо его обращеніе въ истинную вѣру. Послѣдняя мысль и служить старцу Артемію исходной точкой при рѣшеніи вопроса—каково должно быть отношеніе къ еретикамъ со стороны православныхъ?

Если возможно исправленіе еретика, православному христіанину слѣдуетъ: 1) съ „кротостью“ учить противящихся истинѣ и 2) молиться, чтобы Богъ далъ имъ покаяніе, приводящее въ „разумъ истинны“ и тѣмъ освобождающее ихъ отъ сѣтей дьявола³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что это требованіе гуманнаго отношенія къ еретикамъ, внушенное идеей любви христіанской, общей лучшимъ представителямъ заволжской!

¹⁾ Ibid., столб. 1435.

²⁾ Ibid., столб. 1213.

³⁾ Ibid., столб. 1213. 1275. 1385 fin.

школы ¹⁾, находится, кромѣ того, въ тѣсной связи какъ съ понятіемъ старца Артемія о грѣхѣ, такъ и съ его, тоже традиціоннымъ въ заволжской школѣ ²⁾, воззрѣніемъ на высокое значеніе покаянія. Грѣхъ самымъ фактомъ его совершенія не дѣлаетъ еще грѣшникомъ человѣка; такимъ послѣдній становится, собственно, въ томъ случаѣ, если за преступнымъ дѣяніемъ не слѣдуетъ раскаянія, соединеннаго съ ненавистью къ извѣстному грѣху, потому что нѣтъ грѣха, который не прощался бы подъ условіемъ покаянія. И такъ какъ, по ученію писанія, всѣ люди повинны предъ Богомъ, то, естественно, покаяніе нужно всѣмъ грѣшнымъ и праведнымъ. Хотя христіанинъ и оправданъ Богомъ отъ грѣха „избавленіемъ Господа нашего Іисуса Христа“ и призванъ къ совершенной жизни, но по немощи человѣческой природы, склонной ко грѣху, для него неизбѣжны паденія, и потому и покаяніе необходимо „даже до послѣдняго издыханія“; отсюда „ни едина добродѣтель выше покаянія“, лишь бы только возможность очищенія покаяніемъ не служила поводомъ для новыхъ грѣховъ ³⁾.

Но такъ какъ родная дѣйствительность, окружавшая старца Артемія, въ отношеніи къ еретикамъ руководилась противоположнымъ взглядомъ, то Артемій прежде всего вынужденъ былъ критически разсмотрѣть тѣ основанія, какія приводили въ свою защиту сторонники примѣненія къ еретикамъ суровыхъ карательныхъ мѣръ. Обычное указаніе послѣднихъ, что къ жестокому преслѣдованію еретиковъ ихъ побуждаетъ ревность по Богъ, подобная ревности Финееса и Или въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, Артемій обсуждаетъ съ усиленнымъ вниманіемъ. Выказавъ, что „нынѣ“, т. е. во времена новоза-

¹⁾ Законъ евангельской любви усиленно и почти на каждомъ шагѣ выдвигается Артеміемъ, какъ главное и единственное начало нравственной дѣятельности христіанина, при отсутствіи котораго послѣдній утрачиваетъ право на званіе послѣдователя Христова: „чесо ради камень краеугольный именовася Христовъ? Не за ежели съдръжати и съвѣкупляти дрѣжащихъ по него въ едно? И то есть начало всѣмъ и глава тѣлу церковному, и основаніе и корень. ...Ничтожь ино, токмо любовь и съединеніе намъ законъ полагаетъ. И кромѣ бо сихъ ниже Христіане истинною можемъ нарицатися“. Ibid, столб. 1225. Сравни. 1402—1404. 1223. 1240. 1242. 1379. 1396.

²⁾ См. выше, стр. 78 и слѣд.

³⁾ „Посланія старца Артемія...“. Р. И. Б. т. IV. столб. 1374 (абзаць)—1375.

вѣтныя, нѣтъ мѣста „таковой“ ревности по Богѣ, Артеміи въ подтвержденіе этой основной и уже знакомой намъ мысли ¹⁾, приводитъ примѣры изъ жизни апостоловъ, уясняющіе, какова должна быть ревность по Богѣ у христіанина; затѣмъ онъ излагаетъ ученіе Св. Писанія Новаго Завѣта о христіанской свободѣ, въ своемъ внѣшнемъ обнаруженіи подчиненной одному закону—закону любви къ ближнему.

Такъ, апостолы, слѣдуя примѣрамъ временъ ветхозавѣтныхъ, хотѣли „нѣкогда“ „огнемъ погубити“ не принявшихъ Спасителя Самарянъ, но Господь запретилъ имъ, сказавъ: „не вѣсте, коего духа есте вы?“ И апостоль Павелъ горѣлъ ревностью по Богѣ, однако проявленія были далеко не тѣ, какія приходилось наблюдать старцу Артемію у современныхъ ему „ревнителей“: онъ не обращался, какъ они за помощью къ свѣтской власти, „но учаще, моляше, наказоваше, запрещаше Божіею, а не мучительскою властію“ ²⁾. До своего обращенія апостоль самъ прибѣгалъ къ гоненію христіанъ, но, ставъ христіаниномъ, онъ осудилъ такой способъ защиты своей вѣры какъ бессмысленный, разъ у христіанина находится въ рукахъ для борьбы съ врагами ея духовное оружіе неизмѣримо болѣе дѣйствительное, чѣмъ „плотское“ и „плѣняюще(е) всякъ разумъ въ послушаніе Христово“ ³⁾. И предпочтеніе перваго второму, безъ сомнѣнія, есть дѣло „міра сего“, распявшаго „Господа славы“ и избившаго „святыхъ“ ⁴⁾,—дѣло не мудрости, свѣше нисходящей, но бѣсовской, земной, ибо первая вноситъ миръ, а послѣдняя „нестроеніе“ и „всякую злую вещь“. Мудрость же христіанская, исполненная „милости“, есть та же любовь евангельская; она высшій законъ для христіанина и проникновеніе ею—его отличительный признакъ ⁵⁾; ей подчиняется и „судія неумытный“—самая совѣсть ⁶⁾, конечно, не въ своихъ внутреннихъ проявленіяхъ, гдѣ она безусловно свободна и не знаетъ другихъ указаній кромѣ собственныхъ, но въ обнаруженіяхъ внѣшнихъ, гдѣ она считается съ „немошною совѣстью“

¹⁾ См. выше, стр. 335—336. Ноябрь. 1908 г.

²⁾ „Посланія старца Артемія...“. Р. II. Б. т. IV, столб. 1214 fln.

³⁾ Ibid., столб. 1214—1215.

⁴⁾ Ibid., столб. 1213.

⁵⁾ Ibid., столб. 1223.

⁶⁾ Ibid., столб. 1378 fln.

ближняго; вмѣстѣ съ тѣмъ евангельская любовь просвѣщаетъ самый разумъ христіанина, направляя его поступки къ соединенію вѣрующихъ „въ союзъ мира“. Поэтому ревнители, прибѣгающіе къ внѣшнему преслѣдованію еретиковъ, т. е. проклинающіе, мучащіе и даже убивающіе ихъ ¹⁾, и въ то же время оправдывающіе подобныя дѣйствія ученіемъ Св. Писанія, лгутъ на истину и свидѣлствуютъ объ отсутствіи у нихъ христіанской любви и духовнаго вѣдѣнія ²⁾.

Кромѣ того,—что особенно важно,—отношеніе къ еретикамъ „съ мучительскою властью“ не только не узаконено ученіемъ Христа Спасителя ³⁾, но прямо запрещено имъ: въ доказательство этого Артемій, подобно Вассіану Патрикѣву ⁴⁾, ссылается на притчу плевель сельныхъ и на толкованіе ея св. Іоанномъ Златоустомъ: Господь повелѣлъ оставлять плевелы „до жатвы“, когда „въсприметь каждо по дѣломъ“, а—не исторгать „прежде времени“, чтобы не повредить и пшеницы ⁵⁾, „заеже можетъ приложитися и быти пшеница,

1) Ibid., столб. 1213.

2) Указавъ на примѣръ истинной ревности по Богѣ въ лицѣ ап. Павла, Артемій обращается къ своимъ современникамъ, хвалившимся преслѣдованіемъ еретиковъ, какъ дѣломъ богоугоднымъ: „аще... зависть горку и рвеніе въ сердцѣхъ вашихъ имате, не срамитеся и не лжите на истину. Нѣсть сіа премудрость свыше нисходяще, но земна, душевна, бѣсовска. Идѣже зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всяка зла вещь. А вышняя премудрость, шевѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива и исполнена милости и плодовъ благыхъ.... Тѣмже мирная гонимъ и елика ко соединенію другъ друга вся бо добра суть, яже Бога ради бываемая, но зло челоувѣку претыканіе что творящему ради воля своея, разоряюще заповѣдь Божию или оскверняюще союзъ съвршеніа. Ты вѣру имаша, о себѣ самъ пмѣй предъ Богомъ, не съблани друга. Всякую бо, брече, свобода моя судится отъ пняа свѣстп. И паки: блюдите, да не како власть ваша прегнновеніа будетъ немощнымъ братіамъ. О подолжрѣвныхъ, рече, вѣмы, яко вси разумъ пмамы, но разумъ онъ, иже по плоти, надмены творить, любы же созидаеть. Кромѣ бо любве мняйся видѣти что, не разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти понеже въ тмѣ шествуетъ и не вѣсть, камо илеть, зане тма остѣпн очп ему. Любая брата въ свѣтѣ пребываетъ и събланиа тому безлѣнн не чини. Миръ, бо, рече, любящимъ законъ твой и нѣсть въ нихъ събланиа. Блаженъ челоувѣкъ, иже обрѣте таковую мудрѣсть, п смерть, иже увѣдъ разумъ“. Ibid., столб. 1215.

3) „Отнюдь обрѣтается таково что назнаменанно въ ученіи Христовѣ“. Ibid., столб. 1213.

4) См. выше, стр.

5) Посланія старца Артемія...“. Р. И. Б. т. IV, столб. 1213.

якоже Златоустъ глаголетъ“¹⁾. Жестокое преслѣдованіе еретиковъ стоитъ въ противорѣчїи и съ примѣромъ Спасителя, неповиннаго Праведника, терпѣливо переносившаго поруганія, ибо Онъ, будучи „біемъ не біаше и укоряемъ не укоряше, и стражда не прещаше (предаяше же Судящему праведно)²⁾. Тѣмъ болѣе,—повторяетъ Артемій мысль, высказанную „заволжскими старцами“ во второмъ посланїи,—христіанамъ (самимъ не чуждымъ грѣха) слѣдуетъ предавать еретичествующихъ Божїю суду³⁾, суду совершеннѣйшему, потомучто онъ производится всевѣдущимъ и праведнымъ Господомъ: „вѣсть бо Богъ съсуды службы своея и дарованія различная, еще же и силу и немощъ естества“⁴⁾,

1) Ibid., столб. 1385 fin.

2) Ibid., столб. 1213. Послѣднихъ словъ этого извѣстнаго изреченія ап. Петра (1 Петр. II, 21—23) нѣтъ у старца Артемія, но онъ, безъ сомнѣнія подразумѣвалъ ихъ, какъ это ясно показываетъ непосредственно слѣдующее за приведеннымъ текстомъ мѣсто посланія, представляющее собою такую перефразу: „коли паче намъ лѣпо таковыхъ предавати судящему праведно“ Ibid.

3) Мысль эта, выраженная въ болѣе общей формѣ, встрѣчается еще и у „приснаго духовнаго“ друга преп. Нила Сорскаго, старца Германа Подольнаго (Посланіе.. великаго старца ко брату, просившу написати.. еже на пользу души. Рѣк. 6-ки Троицко-Сергіев. Лавр. № 188, л. 104 об. Сравн. А. С. *Архангельскій*, цитов. сочин., стр. 48—52): Германъ подольскій въ одномъ изъ посланій утверждалъ, что „намъ судити не подобаетъ никого, ни вѣрна, ни невѣрна, но подобаетъ молитися о нихъ, а въ заточеніе не посылати“ (*В. Жмакинъ*. Ниль Полевъ. Ж. М. Н. Пр. ч. ССХVI—Августъ 1881 г., стр. 194). Сборничекъ 6-ки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нынѣ Петербургск. Духовн. Акад. № 101—1178, почти безъ всякаго сомнѣнія принадлежащій старцу Герману (*Н. Никольскій*. Описание рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Изд. Обществ. Л. Др. Пльсменн. СПБ. 1897 г., стр. XLIII) вскрываетъ тѣ основанія, на которыхъ покоилось сейчасъ приведенное мнѣніе старца; на оборотѣ 55 л. сборника находится, между прочимъ, слѣдующая выдержка подъ заглавіемъ „54 Максимова“: „нѣсть ли трястися и устрашити и удивити мыслию. Яко убо Богъ Отець не судитъ никомуже весьже судъ даде Сыновп. Сынъ же зоветь не осужайте и не осудитеся. Апостоле подобно не преже времени нпчто судите дондеже прїидеть Господь. И имже судомъ судити иному, себе осудити. Человѣци же оставши плакати грѣхъ своихъ и взяша судъ Сыновїи и сами яко безгрѣшни суть и судятъ другъ другу, и убо небо удивися о семъ и земля устрашися, онже не стыдятся нечловѣствующе“ Ibid., стр. XXXIV, примѣч. I.

4) „Посланія старца Артемія...“. Р. II. Б. т. IV, столб. 1378 fin.

„когождо разумъ и недоумѣніе, страсти же и изволеніе“¹⁾. Затѣмъ, преслѣдованіе еретиковъ обнаруживаетъ у гонителей отсутствіе вѣры въ неодолимость церкви,—они забываютъ, что если „велики и мнози волны въ мори міра сего, но Иисусова корабля не възмогутъ погрузити“²⁾; нѣтъ у нихъ и твердаго убѣжденія въ томъ, что справедливый судъ Божій, рано или поздно, но непременно постигнетъ (непокаявшагося) грѣшника, конечно, и еретика: „еже аще съветъ челоувѣкъ, тожь и поженеть... нужды бо есть согрѣшающему не непокарану быти праведнымъ судомъ Божиимъ и здѣ и въ будущемъ, *по равенству согрѣшенія*“³⁾, такъ что не хотѣвшій изъ лѣности и непокорства даже познать волю Божию будетъ наказанъ несравненно строже не только тѣхъ, для которыхъ воля Божія осталась невѣдома, но—и познавшихъ волю Божию, хотя и не исполнившихъ ее⁴⁾.

Изъ этихъ разсужденій, повидимому, слѣдуетъ одинъ только выводъ, что старецъ Артемій безусловно осуждалъ всякаго рода карательныя мѣры по отношенію къ какимъ бы то ни было еретикамъ, хотя бы даже и ересеучителямъ. Въ „посланіи до Ивана Зарѣцкаго“, говоря именно о послѣднихъ, Артемій замѣчаетъ: „не достоинтъ намъ дивитися, ни стужати си о невѣдящихъ и заблуждшихъ, но паче молитися о нихъ, еда когда дастъ имъ Богъ покаяніе“⁵⁾. Но когда онъ подходилъ ближе къ дѣйствительности, то вынужденъ былъ, приспособляясь къ ней, уже не съ такою строгою послѣдовательностью проводить свои гуманныя воззрѣнія. Въ „посланіи къ царю Ивану Грозному“ онъ безусловно осуждаетъ преслѣдованіе лишь тѣхъ христіанъ—„еретиковъ“, которые, „хотя истину навикнути“, при необходимости для этого изученіи вопросовъ вѣры, впали въ еретичество, усомнившись по невѣдѣнію „въ догматѣхъ и обычаяхъ нѣкихъ“, или высказавъ объ нихъ непродуманное слово. Такихъ еретиковъ слѣдуетъ святителямъ учить „въ кротости“, отнюдь не прибѣгая къ насильственнымъ мѣ-

1) Ibid., столб. 1213 fin.

2) Ibid., столб. 1214.

3) Ibid., столб. 1377 fin.

4) Ibid., столб. 1378 fin.

5) Ibid., столб. 1275. Сравн. 1213 (абзацъ).

рамъ ¹⁾. Умоляя далѣе царя „не вскорѣ кручинитися (на еретиковъ), но вся, яже подобаетъ православному царю правостію и кротостію Христову(о)ю и съ разсмотрѣніемъ творити“ ²⁾, Артемій уже не считаетъ справедливымъ простиать это кроткое и милостивое отношеніе на еретиковъ, явно противящихся истинѣ и не внимающихъ наставленіямъ. Правда, можно думать, что Артемій дѣлаетъ подобное исключеніе не столько по искреннему убѣжденію, сколько ad hominem. На это намекаютъ и тѣ настойчивыя указанія на необходимость „исправлять согрѣшающихъ духомъ кротости“ ³⁾, какія находимъ въ данномъ мѣстѣ посланія,—и та скорѣе условная, чѣмъ утвердительная форма выраженія, въ которой онъ говоритъ о примѣненіи къ упорнымъ еретикамъ крайнихъ мѣръ воздѣйствія: „развѣ аще кто съпротивъ истиннѣ глаголетъ явственне и наказуемъ не послушаетъ“ ⁴⁾.

Въ посланіяхъ старца Артемія, относящихся къ второму періоду его дѣятельности, когда онъ выступилъ въ Литвѣ на защиту православія мѣстами встрѣчаются наставленія, указывающія точно границу, за которой гуманное отношеніе къ еретикамъ является если не дѣломъ преступнымъ, то, по меньшей мѣрѣ, душевреднымъ для самихъ православныхъ. Такъ, въ посланіи „въпросившему слова Божія“ обычныя разсужденія старца Артемія о судѣ надъ еретиками, клонившіяся къ тому, чтобъ изъять еретиковъ отъ суда человѣческаго, предоставивъ суду Божію, получаютъ значительное ограниченіе. Толкованіе изреченія Господня „не судите и не осуждени будите“ въ томъ смыслѣ, что „недостоитъ осуждати никогѣже“ Артемій, видимо отступая отъ традицій заволжской школы, почитаетъ плодомъ „злоумія“ и „тщетнаго смиренія“ еретиковъ. „развращающихъ заповѣди Господни“. Обращаясь за разъясненіемъ приведеннаго евангельскаго текста къ посланіямъ ап. Павла, Артемій указываетъ, что, по ученію апостола, христіане не должны судить другъ друга „въ человѣческихъ вещѣхъ“—„о ядѣни, или о питіи или о чести праздника“, и тотъ же апостоль, когда заходила рѣчь объ общеніи членовъ церкви съ людьми

¹⁾ Ibid, столб. 1437.

²⁾ Ibid.,

³⁾ Ibid., столб. 1438.

⁴⁾ Ibid. столб. 1437.

безнравственными—каковы по изображенію Артемія и были еретики—не только осуждаетъ чуждое порицанія отношеніе къ нимъ, но прямо повелѣваетъ, „съ запрещеніемъ“, „отлучатися отъ всякаго брата безчестно ходяща“¹⁾. Судь надъ еретиками въ послѣднемъ именно смыслѣ, т. е. въ видѣ разрыва общенія, Артемій усиленно рекомендуетъ православнымъ въ посланіи „ко князю“; ссылаясь на высокій авторитетъ Іоанна Богослова и Іоанна Златоуста, онъ „умоляетъ“, „да никтоже отъ правовѣрныхъ, иже дѣятельную добродѣтель проходящихъ, паче же хотящихъ проходить, всяцѣмъ образомъ да не совѣдворяется съ Люторіаны и прочими еретики, ни да слышитъ препорная ихъ словеса. И не сходити имъ, якоже Іоаннъ Златоустый глаголетъ, ни во ядѣнїи, ни въ питїи, ни въ сродствѣ, ни въ дружествѣ, иня бо, рече, въ таковыхъ прелщаяся чужа себе творить соборныя церкви. Свидѣтельствуеъ же Іоаннъ, въ соборномъ его посланїи, глаголя: не прїемлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите“²⁾. Но общій духъ посланїя старца Артемія, проникнутыхъ евангельскою любовью³⁾, вызванныя имъ и встрѣчающіяся въ тѣхъ же посланїяхъ настойчивыя и неоднократныя осужденія гоненїя на еретиковъ, думается, дадутъ полное право считать эти наставленїя скорѣе за плодъ возбужденнаго полемикой настроенїя⁴⁾, чѣмъ за результатъ зрѣлаго осужденїя; при томъ, они внушены безусловно не злобнымъ настроенїемъ по отношенїю къ еретикамъ, а заботой объ охранѣ православныхъ, главнымъ образомъ еще не твердыхъ въ вѣрѣ, отъ опасности уклоненїя въ ересь чрезъ общенїе съ искусными въ словопренїяхъ еретиками: „да съхранимся отъ лукавыхъ чловѣкъ, неимущихъ страха Божїя, да не навыкнемъ нравъ ихъ и прїемемъ сътъ своей души“⁵⁾.

Б. Гречевъ.

1) Ibid., столб. 1413—1414.

2) Ibid., столб. 1324—1325.

3) Это, между прочимъ, выражается и въ томъ обстоятельстве, что Артемій очень рѣдко прибѣгаетъ къ рѣзкимъ выраженїямъ по личному адресу еретиковъ.

4) Нужно замѣтить, что со стороны противниковъ Артемія полемика велась крайне запальчиво, переходя по временамъ въ мало пристойную ругань. *С. Г. Вилчскій*, цитов. сочин. и изд., стр. 2297 ff.

5) „Посланїя старца Артемія, XVI вѣка“. Р. И. В. т. IV, столб. 1414.